

Сведения о последних годах жизни поэта отрывочны. По свидетельству драматурга А. М. Володина, в течение 2–3 лет, спиваясь, он «постарел непонятно, страшно». Ш. испытывал постоянные финансовые затруднения, но продолжал писать стихи на обрывках бумаги, квитанциях, на телеграфных бланках: «В январе уже тепло, / И пускай мороз, но солнце / Посылает божий стронций / На оконное стекло. / Прижимаюсь лбом к стеклу, / Рожей радуясь теплу!» («В январе уже тепло...»).

В 1974 Ш. делает попытку вернуться в кинематограф, бросает пить и садится за сценарий фильма «**Девочка Надя, чего тебе надо?**». Сценарий был изначально «непроходной», в нем говорилось о комсомолке Наде с успешной партийной карьерой, которую поиски правды толкают на самосожжение. Ш. отправляет свой сценарий в Госкино и, не дожидаясь ответа, на даче в Переделкине кончает жизнь самоубийством. Драматург Г. Горин собрал бумаги Ш. и спрятал их до приезда властей.

Широкий интерес к поэзии Ш. возникает в 1990-х. В 1995 появляется подборка стихов в антологии «Строфы века» (сост. Е. Евтушенко). В 1998 выходит сб. Ш. в Екатеринбурге, в 2000 — в Москве. В этих книгах собраны стихи и проза, дневниковые записи и сценарии, но в автоэпитафии Ш. дал свой «гамбургский» счет сделанного им: «Не сделавший и половины / Того, что мне сделать должно, / Ногами направлен к камину, / Оплакан детьми и женой».

Соч.: Прощай, Садовое кольцо. М., 2000; Стихи. Песни. Сценарии. Роман. Рассказы. Наброски. Дневники. Письма. Екатеринбург, 1998; Строфы века: Антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. Минск; М., 1995; Из неопубликованных стихов 1955 года // Библиография. 1998. № 5. С. 68–69; Человек умер: новелла, и др. // Знамя. 1997. № 7. С. 124–144; Автобиография и др. // Киносценарий. 1997. № 4. С. 88–90.

Сценарии к фильмам: Причал (реж. В. Китайский, 1960); Трамвай в другие города (реж. Ю. А. Файт, 1962); Звезда на пряжке (реж. В. Туров, 1962); Застава Ильича (1-й вариант; реж. М. Хуциев, 1963); Я шагаю по Москве (реж. Г. Данелия, 1964); Мне двадцать лет (исправленный вариант «Заставы Ильича»; реж. М. Хуциев, 1965); Я родом из детства (реж. В. Туров, 1965); Долгая счастливая жизнь (реж. и сценарист Г. Шпаликов, 1966; удостоен премии на фестивале авторского кино в Бергамо, Италия); Ты и я (реж. Л. Шепитько, 1970); Пой песню, поэт (реж. С. Урусевский, 1972).

Лит.: Библиография. 1998. № 5; Островская Н. Пароход белый-беленький, дым над красной трубой // Комсомольская правда. 1997. 15 нояб.; Файт Ю. «Людей теряют только раз...»: [О Г. Шпаликове] // Знамя.

1997. № 7. С. 123; Шеваров Д. Причалы Шпаликова // Деловой вторник. 1999. 6 окт.; Митта А. Моцарт оттепели // Киносценарий. 1997. № 4. С. 96–97; Геннадий Шпаликов: Песни московских кухонь // Огонек. 1997. № 37.

А. П. Черноусов

ШПАНОВ Николай Николаевич [10(22).6. 1896, г. Никольск-Уссурийский Приморской губ. (ныне г. Уссурийск Приморского края) — 2.10.1961, Москва] — прозаик.

Сын железнодорожного служащего; по устному свидетельству дружившего с Ш. А. А. Морозова, тот происходил из остзейского рода von Schrapoff, потомки которого ввиду бедности были вынуждены во второй половине XIX в. переселиться из родового гнезда в Эстляндию на новоприосоединенный к России Дальний Восток. По окончании классической гимназии Ш. поступил на кораблестроительный ф-т Санкт-Петербургского политехнического ин-та, откуда в связи с началом Первой мировой войны перевелся в Военно-инженерное училище. В 1916 окончил Высшую офицерскую воздухоплавательную школу и принимал участие в боях. Добровольно вступил в 1918 в Красную Армию, где около 20 лет служил в среднем командном составе Военно-воздушного флота. С 1939 всецело посвятил себя лит. труду.

С 1925 Ш. регулярно печатался в изданиях Добролета и Осовиахима, пропагандируя авиацию как наиболее действенное



Н. Н. Шпанов

средство укрепления обороноспособности страны («**Что сулит нам воздух**», 1925; «**Мирное применение воздушного флота и воздушный флот в гражданской войне**», 1928; «**Дирижабль на войне**», 1930, и др.). Ш. написал ряд брошюр и книг («**Самолет как средство сообщения**», 1925; «**Водяные вездеходы: Что такое глиссер и для чего он нужен**», 1927; 2-е изд.: М., 1928; «**Советские снегоходы: Что такое аэросани и для чего они нужны**», М., 1927; 2-е изд.: М., 1928; «**Сердце самолета: Как работает и устроен авиационный двигатель**», М., 1927, и др.), сыгравших заметную роль в массовом увлечении авиацией в 1920-е. Особо следует отметить созданный Ш. цикл методических пособий, написанных столь просто и увлекательно, что с их помощью ранее незнакомый с техникой человек к концу восьмимесячного цикла обучения мог чинить авиационные моторы. Перу Ш. принадлежит учебник для летных училищ «**Основы воздушных сообщений**» (1930), а также написанная им совместно с М. А. Дзиганом работа «**Советские авиационные моторы**» (1931).

С 1927 Ш. регулярно публикуется во «Всемирном следопыте» и в «Крестьянской газ.», выступая с рассказами для юношества и путевыми очерками. Он участвовал в организованных Осоавиахимом агитационном перелете дирижабля на Дальний Восток («**Наш полет в лесные дебри**», 1926) и Автодорогом агитавтопробега в те же края («**По автомобильной Трансевразии: На автомобиле по уссурийскому бездорожью**», 1930). В 1929–32 в творчестве Ш. главенствовала арктическая тема — он участвовал в походе «Красина», побывал на островах Новая Земля и Колгуеве («**Полярный поход „Красина“**», 1929; «**Во льды за „Италией“**», 1929; «**В страну вечных льдов**», 1930; «**Подвиг во льдах**», 1930; «**Край земли**», 1930; 2-е изд. 1929). От путевых очерков Ш. перешел к беллетристике, издав два сб. рассказов «**Загадки Арктики**» (1930), «**Песцы**» (1931) и повесть «**Лед и фрак**» (1932). Работа над книгой об авиаторах привела Ш. к изучению истории изобретений в области моторостроения, в результате чего в 1934–36 им было опубликовано несколько книг на эту тему: «**Рождение мотора**» (1934; 2-е изд. 1936), роман «**Четыре такта**» (1935), повесть «**История одного великого неудачника**» (1936) и беллетризованная биография «**Джеймс Уатт**» (1936). На примере судеб Ж. Ленуара, Д. Папина и Дж.

Уатта Ш. пытался показать трагический характер взаимоотношений изобретателя и общества: в дальнейшем к сюжету о похищении изобретения Ш. возвращался неоднократно в своих приключенческих романах.

Всенародную известность Ш. принесла повесть «**Первый удар**» (1939), рассказывающая о том, как в случае агрессии советская авиация сразу же поразит врага в его логове. Выходившая как в «Библиотеке командира», так и в «Библиотеке школьника» гигантскими тиражами, повесть Ш. (имевшая подзаголовок «Повесть о будущей войне») и созданный на ее основе одноименный кинофильм служили иллюстрацией официальной военной доктрины. В годы войны Ш. опубликовал биографический очерк «**Майор Кошевой**» (1941), а также биографическую повесть о героине-летчице Н. Ф. Гастелло «**Мальчик из Полесья**» (1942) и сб. рассказов «**Горячее сердце**» (1942). Удовлетворяя возникшую в годы войны потребность в агитационной лит-ре с захватывающим авантурным сюжетом, Ш. создал «**Тайну профессора Бурого**» (Вып. 1–6. 1943–44), где были представлены традиционные для Ш. персонажи: гениальный изобретатель, коварные шпионы, проникательные контрразведчики, беспечные начальники и бдительные простые советские люди. Роман пользовался необычайным читательским успехом (переизд.: Абакан, 1945).

В годы войны Ш. приступил к работе над романом «**Поджигатели**» (1949), где Вторая мировая война была представлена как результат сговора американских империалистов с германскими фашистами. Продолжением «Поджигателей» явился роман «**Заговорщики**» (1951), посвященный трактовке послевоенных событий в том же ключе. Оба романа выдержали ряд переизданий. Тематическая новизна романов, их многоплановость, сюжетная занимательность, а также непривычное для советского читателя обширное цитирование совершенно секретных документов обеспечили романам Ш. на протяжении нескольких лет стабильный читательский успех, чему способствовал и сам Ш., вносящий в переиздания дополнения и исправления сообразно с требованиями момента. Многоплановость сюжетных линий была подчинена сугубо дидактическим целям: с той же наглядностью и обстоятельностью, которая ранее отличала его руководство по самостоятельной починке авиационных моторов, Ш. показывал технологию развязывания новой мировой войны империалистическими хищниками с помощью предателей

из социалистического лагеря. Отрицательные персонажи выписаны Ш. с большей тщательностью, чем достаточно однообразные в своих добродетелях коммунисты и борцы за мир. Дополнявшие в худож. отношении официальную пропаганду, оба романа Ш. выдержали за короткий срок несколько десятков переизданий, принеся значительную прибыль не только автору, но и многим областным издательствам, ибо в условиях дефицита приключенческой лит-ры читатели были склонны видеть в романах не сколько идеологическую, сколько авантюрную составляющую. Несмотря на то что все цитируемые Ш. документы были сочинены им самим (как, например, расписка И. Тито в получении им денег от ЦРУ), не только в читательской, но и в писательской среде сложилось впечатление о Ш. как о необычайно сведущем человеке, которому были будто бы доверены важнейшие государственные тайны... После 1954 романы Ш. не переиздавались, а «Заговорщики», имевшие особую антититовскую направленность, подлежали изъятию из библиотек и книготорговой сети, так же как и памфлет Ш. «Дипломаты „плаща и кинжала“» (1952), содержащий очерки об организованных советской госбезопасностью в социалистических странах на рубеже 1940–50-х однотипных политических процессах по обвинению кардинала Мидсенти, Т. Костова, Л. Райка, Р. Сланского и др. в сотрудничестве с американскими «поджигателями войны» и их подручными из рядов «мирового сионизма». Несмотря на полное отсутствие собственно лит. достоинств, оба романа Ш. до середины 1980-х пользовались устойчивым признанием в низовых читательских слоях и во многом повлияли на формирование у советского человека послевоенного времени специфических конспирологических стереотипов мировоззрения. Несомненно влияние Ш. на творчество А. В. Ардаматского, А. Б. Чаковского и Ю. С. Семенова.

Несмотря на свою значимость в лит. иерархии начала 1950-х, Ш. почти не принимал участия в лит.-общественной жизни. Потомок остзейских рыцарей старался держаться как можно далее и от власти, и от лит. среды; создавая «великие произведения, правдиво отражающие нашу великую эпоху» (А. Дымшиц), он видел в этом прежде всего сильное исполнение своего долга перед Советской империей, а не только средство заработка, а с началом «оттепели» оказался в полной лит. изоляции, хотя находился в расцвете своих сил и не нуждался в средствах. Книги Ш. на политические темы после XX

съезда КПСС казались настолько одиозными, что Ш. был вынужден вновь обратиться к псевдодетективным сюжетам о ловле шпионов. Несмотря на то что Ш. никогда не был объектом каких-либо идеологических проработок и был исключительно корректен в личном и деловом отношениях, лит. репутация его была такова, что в середине 1950-х печатать новые книги Ш. согласились лишь Трудрезервиздат и Воениздат. В первом увидели свет несколько книг для юношества; по заказу последнего для «Библиотечки военных приключений» Ш. написал «**Похожения Нила Кручинина**» (1955; 1956) и «**Ученик чародея**» (1956); последняя повесть, избилующая ссылками на Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, вызвала недоуменную реплику читателя-юриста: «Все детективные повороты в конце концов сводятся к поимке и избилению Квэпа <...>, который казнил сотни советских граждан, насиловал женщин, руководил шпионско-диверсионной деятельностью против СССР, совершил несколько убийств на территории СССР, готовил взрыв и гибель 25 тысяч детей и... избежал расстрела и остался чудом в живых. Это уже не лезет ни в какие ворота» (Войтинский С. Без знания дела // Комсомольская правда. 1957. № 235 (1947). 3 окт. С. 4). Детгиз издал повесть «**Связная Цзинь Фын**» (1955) — о китайской девочке-разведчице, мужественно сражающейся против гоминьдановцев. Существенно переработанное переиздание «Тайны профессора Бураго» под названием «**Война невидимок**» (1958), мгновенно разошедшееся 225-тысячным тиражом, вызвало недоуменные отклики в прессе, перешедшие в травлю самого Ш. (Белкин А. Куда идет писатель Н. Шпанов // Комсомольская правда. 1959. № 68 (10393). 21 марта С. 2).

Последние годы жизни тяжелобольной Ш. прожил на хуторе Эсберг Ракверского р-на Эстонской ССР, работая над посвященной современности завершающей частью трилогии, начатой «Поджигателями» и «Заговорщиками». Выход в свет «**Урагана**» (1961) прошел незамеченным, так же как и осталась незамеченной кончина самого Ш.: на его похороны не пришел ни один человек, кроме ответственного за церемониал чиновника Литфонда (Качер Л. Н., Беляева Л. И. Спецпохороны в полночь: Записки «печальных дел мастера». М., 1991. С. 10). На протяжении почти полувека имя Ш. было одним из жупелов советской либеральной интеллигенции. Ввиду отсутствия у Ш. четко выраженных национальных приоритетов и архаичности его

творческой манеры неопатриотическое движение рубежа XX и XXI веков также обошло его наследие стороной. Несмотря на значимость творчества Ш. для постижения советского массового общественного сознания середины XX века, а также восприятия его романов как эталона советской политической прозы, труды и дни Ш. никогда не привлекали исследовательского интереса.

Соч.: Повести и рассказы. М., 1939; За жизнь. М., 1950; Горячие сердца. М., 1955; Искатели истины. М., 1955; Домики у пролива. Старая тетрадь. М., 1956; Красный камень. М., 1957; переизд.: Ташкент, 1960; Повести об удачах великих неудачников. М., 1959; Последний медвежатник. М., 1995. Война невидимок. М., 1996.

Лит.: Дымшиц А. Против поджигателей войны // Звезда. 1950. № 9; Советские детские писатели: библиогр. словарь. М., 1961; Русские советские писатели прозаики. Т. 6. Ч. 2. М., 1969; КЛЭ. Т. 8. (В. Н. Чуванов); Некролог // Лит. газ. 1961. № 119. 5 окт. С. 4.

М. П. Лепехин

ШТЕЙГЕР Анатолий Сергеевич, барон [7(20).7.1907, имение Стебелевская Николаевка Киевской губ.— 24.10.1944, Лейзен, Швейцария; похоронен в Берне] — поэт.

Брат поэтессы Аллы Головиной. Происходил из старинного швейцарского рода, одна из ветвей которого переселилась в Россию в начале XIX в. Отец Ш. барон Сергей Эдуардович фон Штейгер (1868–1937) — полковник, предводитель дворянства Каневского уезда Киевской губ., с 1913 — депутат Гос. думы. Детские годы Ш. прошли в семейном имении Николаевка и в Петербурге (1913–14), впоследствии воспринимавшемся им как притягательный образ безвозвратно утраченного культурного мира и жизненного стиля. Во время Гражданской войны семья Ш. переселилась в Одессу, откуда в февр. 1920 эмигрировала в Константинополь (см.: Детство Анатолия Штейгера. Из его воспоминаний // Новый ж. Нью-Йорк. 1984. № 154), затем в Чехословакию, где Ш. окончил русскую гимназию. Эпизоды из жизни эмигрантской гимназии послужили сюжетной основой рассказа Ш. «Кирпичики» (Числа. Париж. 1933. Кн. 7–8). Имея швейцарское гражданство, Ш. в 1920–30-е много странствовал по Европе (Германия, Франция, Югославия, Албания, Румыния и др.). С детства болея туберкулезом, вынужден был продолжительное время проводить в швейцарских санаториях.

Поэтическому творчеству посвятил себя с 16–17 лет. Первый сб. стихов Ш. «Этот день» (Париж, 1928) вызвал сочувственный

отклик Г. В. Адамовича, отметившего в «типично-юношеских стихах» со следами посторонних влияний (З. Н. Гиппиус, Г. В. Иванова) «то, что называется „лирическим содержанием“» (Совр. записки. 1929. Кн. 38. С. 525). В последующие годы стихи Ш. появлялись в основных русских ж. и альм., издававшихся в Париже («Новый корабль», «Совр. записки», «Встречи», «Числа», «Круг», «Русские записки»). Репутацию одного из наиболее своеобразных молодых поэтов эмигрантского поколения Ш. завоевал после выхода в свет второй книги стихов «Эта жизнь» (Париж, 1932) и в особенности третьей — «Неблагодарность» (Париж, 1936). В. Ф. Ходасевич, нашедший сходство между поэтической стилистикой Ш., с характерными для нее фрагментарностью, лаконизмом, исповедальным началом («...как бы отрывки из дневника или даже заметки, вырванные из записной книжки, очень интимные по тону, как бы набросанные для себя или сказанные себе самому очень тихим голосом»), и «Уединенным» и «Опавшими листьями» В. В. Розанова, признавал наличие у Ш. необходимых для «этого рода стихотворений» «большой внутренней сосредоточенности», «заключенности чувства и мысли», «безошибочного чувства меры и изящества» (Возрождение. Париж. 1936. № 4012. 28 мая. С. 3). Не менее высоко о «Неблагодарности» и поэтической манере Ш. отзывался М. О. Цетлин: «Здесь импрессионизм внешних „мазков“ и внутреннее настроение прощанья и безнадежности — слиты в одно с большим мастерством» (Совр. записки. 1936. Кн. 52. С. 439).

Регулярно приезжавший в Париж и воспринимавшийся в кругу русских литераторов-парижан как «культурнейший, воспитанный, милейший и умнейший мальчик» (Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 251), Ш. внутренне тяготел к этой среде, ощущал духовную общность с писателями «русского Монпарнаса»: «...деклассированная, разночинская, полуеврейская, безнадежная и чуть сумасшедшая наша монпарнасская среда — на которой все же тень от Петербурга, от петербургского периода русской литературы, — мне чрезвычайно мила» (Письмо Ш. к З. А. Шаховской от 9 дек. 1935 // Шаховская З.— С. 185). Именно близость Ш. к Монпарнасу послужила причиной разрыва отношений и прекращения интенсивной (с июля по сент. 1936) переписки между ним и М. И. Цветаевой (почти все письма Ш. к Цветаевой не сохранились): восприняв большое исповедальное письмо к ней Ш. как самовыражение «настоящего